

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-70-70-85>

УДК 930

ББК 87.3(2)+63.3

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. А. В. Антощенко
г. Петрозаводск, Россия

П. М. БИЦИЛЛИ И ЕВРАЗИЙЦЫ: РАЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА КУЛЬТУРУ

Аннотация: В статье рассматриваются взаимоотношения между П. М. Бицилли и ведущими представителями зарождающегося евразийства в первой половине 1920-х гг., когда происходило оформление их ощущения катастрофических изменений, вызванных Первой мировой войной и революцией в России, в целостные мировосприятия. Методологической основой исследования является коммуникативный подход к их интеллектуальным контактам, порождающим смыслы восприятия ими культурных изменений в прошлом и современности. При этом автор отмечает различие понимания этих смыслов каждым из участников коммуникации в зависимости от его интеллектуальной позиции или так называемой «точки зрения». Источниками для исследования стали не только их опубликованные работы, но и эпистолярное наследие изучаемых интеллектуалов. Сближение П. М. Бицилли с ранними евразийцами стало возможно благодаря Г. В. Флоровскому, с которым он разделял общее представление о свободном творчестве индивида как основе изменения культуры, что делало исторический процесс непредсказуемым. Однако идеологический лидер евразийцев Н. С. Трубецкой полагал, что деятельность культурных «верхов» общества должна корениться в культуре «низов», что лишало ее творческого характера, а исторический процесс непредсказуемости. Тем самым индивидуализация культурной деятельности и понимание ее творцов, на которых настаивал П. М. Бицилли, вступали в противоречие с системно-структурным рассмотрением культуры Н. С. Трубецким. Разногласия еще больше усилились, когда к евразийцам примкнул Л. П. Карсавин, считавший возможным конструирование «среднего представителя» культурной эпохи. П. М. Бицилли не мог согласиться с таким подходом, так как он давал возможность только объяснять внешние проявления культуры, но не позволял понимать создателей культурных ценностей. В итоге именно различие в видении предмета и методов культурных исследований привело П. М. Бицилли к расхождению с евразийцами, а не их политические противоречия, как полагают некоторые исследователи.

Ключевые слова: П. М. Бицилли, Л. П. Карсавин, Н. С. Трубецкой, Г. В. Флоровский, евразийство, культура, цивилизация, историческое познание, концепция «понимания».

Информация об авторе: Александр Васильевич Антощенко — профессор, Институт истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет, ул. Ленина, д. 33, 185910 г. Петрозаводск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2366-3750>

E-mail: antoshchenko@yandex.ru

Дата поступления статьи: 25.01.2022

Дата одобрения рецензентами: 22.08.2023

Дата публикации: 25.12.2023

Для цитирования: Антощенко А. В. П. М. Бицилли и евразийцы: разные взгляды на культуру // Вестник славянских культур. 2023. Т. 70. С. 70–85.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-70-70-85>

В последнее время вопрос о характере и последствиях взаимоотношений П. М. Бицилли и евразийцев рассматривался в ряде работ, где высказывались различные точки зрения: кто-то доказывал близость Бицилли к евразийцам, кто-то, напротив, отрицал ее, а кто-то занимал промежуточное положение [11; 14, с. 269–271]. Однако подавляющему большинству исследований присущ один общий недостаток: авторы их сравнивали отдельные положения евразийства как сложившегося и завершенного идейно-политического феномена с отдельными взглядами Бицилли, результатом чего вполне естественно мог стать такой странный гибрид как Бицилли-«полуевразиец» [16] (хотя, если точнее подсчитать сходные положения, то получится «три-четверти евразиец»). Избежать такого рода методологической ошибки механистического толка позволяет, как представляется, подход, предложенный А. В. Соболевым [15, с. 186–187]. Прежде всего, следует рассматривать творческое взаимодействие евразийцев и Бицилли как процесс, в ходе которого вырабатывались и уточнялись их взгляды и идеи. При этом важно учитывать исторический интеллектуальный контекст и межличностные отношения. Последнее условие указывает на коммуникативный подход, который предполагает не похвалу или осуждение кого-либо из участников коммуникации, а понимание того, что формирование смысла происходит в их взаимодействии (тем самым преодолевается недостаток структуралистского подхода, среди родоначальников которого справедливо называют имена евразийцев). Но при этом нужно сделать еще одну оговорку: смысл воспринимается каждым из участников коммуникации по-своему, что соответствует представлениям Бицилли о распространении результатов культурного творчества. Основанное на таких принципах исследование позволит сформировать более адекватное решение вопроса, независимо от сложившихся в литературе оценок евразийства и Бицилли (кому-то больше нравятся «те», а кому-то — «другой»). Такой подход требует значительного расширения круга источников: необходимо использовать не только статьи (и уж тем более не отдельные статьи Бицилли, которыми ограничиваются порой исследователи [7, 12, 19]), но весь комплекс документов, включая эпистолярное наследие всех участников коммуникации. Наконец, еще одно уточнение. Объем представления результатов исследования заставляет пока ограничиться лишь первой половиной 1920-х гг., когда произошло превращение общего «катастрофического мироощущения» будущих евразийцев в единое мировоззрение, первую попытку систематизации которого предпринял П. Н. Савицкий в 1925 г. [27]. В этом же году увидела свет книга Бицилли «Очерки теории исторической науки», обобщившая его теоретические представления о принципах исторического познания. Это позволяет использовать данный год в качестве определенного промежуточного рубежа, чтобы затем продолжить изыскания.

Первым откликом Бицилли на звучно заявившее о себе новое идейное явление, представлявшееся тогда еще только как единство мироощущения ряда молодых авторов, оказавшихся в эмиграции после революции и гражданской войны, стала рецензия

на сборник их статей «Исход к Востоку». Яркий и оригинальный как по содержанию, так и по оформлению — в оранжевой обложке, напоминавшей о цвете знамен воинов Чингисхана, и с динамичным рисунком скакуна: «с символической лошадкой» как позже ласково будет писать о нем Бицилли в письме Савицкому [10, с. 294, 295], выполненным талантливым молодым художником П. Ф. Челищевым, — сборник вызвал ряд критических отзывов в эмигрантской прессе [13]. С учетом этой критики, не всегда основанной, как ему казалось, на верной интерпретации замысла авторов, Бицилли предложил собственное понимание их положений, трактующих о «всегда интересном и жизненно важном», хотя «часто очень спорном», но и «часто несомненном» [21, с. 380]. Таким образом, признавая оригинальность и значимость идей сборника, рецензент был амбивалентен в своих оценках. Однако заинтересованные в положительном отклике евразийцы (Г. В. Флоровский считал рецензию Бицилли «хвалебной» [8, с. 541]) оказали «давление» на П. Б. Струве (судя по всему это мог сделать Савицкий), вынудив его опубликовать в возобновленном им в Софии журнале «Русская мысль» рецензию «с заключением, что “Исход” — крупное явление et cetera» [8, с. 548].

Главный недостаток критики взглядов евразийцев, как полагал рецензент, заключался в непонимании различия культуры и цивилизации, которое в сборнике «Исход к Востоку» подробно представил Флоровский. Правда, при этом Бицилли явно модифицировал понятия Флоровского, писавшего о «культуре» и «быте» (а не цивилизации), что позволило рецензенту вызвать у читателя аллюзию с взглядами О. Шпенглера, отметившего в опубликованной незадолго до этого книге «Der Untergang des Abendlandes» («Закат западного мира») вырождение европейской культуры именно в цивилизацию [22]. Эта модификация взглядов одного из участников сборника и обобщение их до представлений всех евразийцев (в результате Флоровский превращался в их лидера), обуславливала решительное утверждение: «Их критика “Европы” не имеет ничего общего с нападками моралистов 18-го века или Толстого. Они не устраивают апофеоза “доброму дикарю” и в аргументации в защиту идеи самоценности *всякой* культуры (курсив Бицилли. — А. А.) не заключается ничего такого, что могло бы послужить на руку реставраторам и фальсификаторам “отечественной политики”» [21, с. 381]. И далее в стиле собственного понимания и интерпретации евразийства рецензент продолжал, приписывая несвойственные им утверждения: «Авторы решительно порывают со старым, но до сих пор еще в обыденном сознании держащимся взглядом, будто определенная культура может объективироваться только в определенных же формах цивилизации: здесь коренное их отличие от старых славянофилов, и от Данилевского и Леонтьева, с одной стороны, от народников — с другой» [21, с. 381]. В оценке Бицилли, по сравнению со славянофилами взгляды евразийцев — свободнее, шире и жизненнее (эта оценка, как представляется, опять же основывалась на знании отношения к славянофильству именно Флоровского, который опубликовал о них в это время статью [30, с. 31–51] и собирался сосредоточиться на изучении их взглядов после защиты диссертации об А. И. Герцене). Более того рецензент отмечал: «Лучшее в книге — напряженное, любовное искание формулы русской культуры» [21, с. 381].

Не возражая против понятия «Евразия» (сам он предпочитал традиционное «Старый Свет»), рецензент был все же критичен в отношении к акценту на перспективах его азиатской составляющей, свойственному как Савицкому (в области экономики), так и Н. С. Трубецкому (в области культуры). Чуткий к неокантианским влияниям в методологии, Бицилли критиковал последнего за непреднамеренный грех смешения «природы» и «истории», выражающийся в использовании органицистских метафор («корни», «почва» и т. п.), полагая, что за использованием их ничего не стоит

[21, с. 381]. Другой его упрек, высказанный Трубецкому, — недооценка изменчивости психологического облика «расы». Правда, здесь сам Бицилли чрезмерно увлекся, проводя свою мысль о различии культуры и цивилизации и превращении последней в фактор культурного развития. Это выразилось в его утверждении: «так, например, ислам ”подравнял” в культурном отношении все принявшие его народы, выработал даже “общемусульманский” *физический тип* (курсив мой. — А. А.)» [21, с. 381].

Особо следует отметить те положения евразийцев, которые представлялись Бицилли спорными, т. е. которые он едва ли смог бы принять. Во-первых, признавая, что русская культура создала общечеловеческие ценности, он тем самым настаивал на единстве культуры человечества, в которую отдельные народы вносят свой творческий вклад. Это положение отвергалось Трубецким как уловка империализма европейских народов, провозглашающих свои культурные ценности общечеловеческими и подчиняющих им другие, «отсталые» народы [29]. Во-вторых, выражая несогласие с утверждением евразийцев о гибели западноевропейской культуры, не способной к возрождению, Бицилли был скорее склонен считать, что для преодоления Западной Европой духовного кризиса был важен современный российский опыт. Поэтому он критиковал развитие Флоровским идеи о «молодых народах», идущих на смену одряхлевшим и не способным к творчеству «старым народам» [21, с. 382], видя в этом следы отжившего свой век позитивизма со свойственным для него органицизмом и прогрессизмом, хотя в действительности речь должна была идти о влиянии ницшеанства. Завершая рецензию высокой оценкой сборника, Бицилли вновь подсказывал евразийцам собственное решение вопроса о роли России, способной показать выход из кризиса на путях синтеза культур Запада и Востока [21, с. 382].

В целом доброжелательный, хотя и критический тон рецензии позволил Флоровскому, давно (еще со времени своей учебы в Новороссийском университете в Одессе) и хорошо знавшему Бицилли (в это время они вели интенсивную переписку), рекомендовать его своим единомышленникам-евразийцам в качестве одного из авторов нового, готовившегося к изданию евразийского сборника «На путях» [2, с. 84]. В качестве аргумента в пользу сотрудничества с Бицилли Флоровский приводил следующие соображения в письме Трубецкому от 16 марта 1922 г.: «Бицилли собирается читать по-сербски доклад об евразийцах и печатать — в “Книжевни Гласник” и по-итальянски. Вообще Бицилли очень рьяно относится к евразийству, — и, мне кажется, при известной мере терпимой настойчивости его удастся совсем стянуть в наши идеи, так что различия от него у нас не будут превышать наших расхождений. Бицилли на мои непрекращающиеся наскоки сперва отвечает отпором, потом уступками и оговорками, а потом — вдруг загорается и начинает в иной тональности повторять мои же мысли. И тут я убеждаюсь в полезности своего метода — колотить головой о стенку. За год с лишним общения с Бицилли я явно вижу насколько далеко его “подчинил” своему “влиянию” и это может стать очень полезным, ибо он очень талантлив и жив мыслью» [9, с. 76–77]. Определенно в приведенном отрывке из письма Флоровский чрезмерно «выпячивал» свою роль во взаимоотношениях с Бицилли и недооценивал принципиальность последнего. Следует отметить и важность «тактических» аргументов о содействии Бицилли «продвижению» евразийства «на международной арене».

Оценки евразийства в статье Бицилли в сербском журнале, появившейся в двух номерах подряд, были еще более позитивными, чем в «Русской мысли». Окончательно связав евразийские идеи с О. Шпенглером, он подчеркнул тем самым их антиевропоцентризм, идущий от брошюры Трубецкого «Европа и человечество». Повторив свою интерпретацию евразийских взглядов, как устремленных к поиску органического един-

ства культур Европы и Азии, рецензент отметил их акцент на духовных, религиозных основах «каждой истинной культуры», которые характеризовались им не «в смысле определенной конфессии, набора догм, правил, символов, ритуалов, а в смысле ощущения связи всего, что существует в мире, с Абсолютом» [31, с. 525]. Представляя евразийцев как продолжателей традиции Ф. М. Достоевского и Вл. С. Соловьева, Бицилли считал, что они способны преодолеть политическую ограниченность взглядов своих предшественников, которые относились к Востоку с позиции силы, видя в нем Восток Ксеркса, а не Христа. Особое и значительно большее по сравнению с русской рецензией внимание к религиозному возрождению, вызванному в России приходом к власти большевиков, свидетельствовало, что для Бицилли в первых евразийских идейных построениях ведущая роль принадлежала Флоровскому. Рецензент достаточно подробно представил его идеи о духовном преодолении большевизма, как продолжающего западное влияние и выродившегося в «экстремистский социализм», полностью подчинивший личность «общественности» [31, с. 589]. При этом Бицилли подчеркнул близкие ему идеи о возможности преодолеть упадок европейской культуры, проникнутой «верой в слепой, механический, *независимый от культуры индивидуального духа* прогресс» (курсив Бицилли. — А. А.) [31, с. 590], только путем восстановления значения личного творчества, которое представлялось Флоровскому в виде «покаяния» (или «μετάνοια», как охарактеризовал его по-гречески рецензент). Признавая мессианские настроения евразийцев, Бицилли не был склонен отождествлять их с западноевропейским воинственным шовинизмом или идеями национальной исключительности и характеризовал их идеологию как «новый этап в развитии русской универсалистской идеи», которая есть «идея духовного, нравственного объединения человечества» [31, с. 529].

Статья Бицилли «“Восток” и “Запад” в истории Старого света» во втором сборнике «утверждений евразийцев» могла бы претендовать на изложение общего плана их исторической концепции, тем более, что ее замысел высоко оценил князь Трубецкой, явно признанный в это время идейный лидер евразийства. «Статья Бицилли, довольно интересная, изображающая историю всего старого света как борьбу двух географических элементов — береговых областей (Греция, Рим, Аравия, Персия, Индия, Китай), стремящихся к обособлению, и областей центральных (монголы, потом Россия), стремящихся к объединению и к установлению “великих путей” через весь континент» [6, с. 178], — так характеризовал он известное ему, по-видимому, со слов Флоровского или Савицкого ее содержание в письме от 5 декабря 1921 г. к П. П. Сувчинскому, занимавшемуся издательской подготовкой сборника. Нетрудно заметить, что в этой оценке князь больше опирался на собственное, желательное для евразийцев восприятие идей Бицилли. Однако детальное знакомство с текстом статьи резко изменило его мнение, вызвав ряд принципиальных критических возражений. С некоторыми из них Бицилли согласился, но неприемлемые для себя исправления отказался вносить в статью [9, с. 55, 58]. Причем эти спорные положения были весьма важны не только для него, но и для евразийцев. Так, в письме к Флоровскому от 28 февраля 1922 г. Трубецкой замечал: «Вот, например, Бицилли не хочет понять, что раз мы сами себя окрестили евразийцами и в первом сборнике уже ошарашили публику нашей дружбой со скалутыми кочевниками, — то нельзя во втором сборнике об этих самых милейших кочевниках говорить, что они бездарны и представляют из себя лишь безразличную инертную, но электропроводную среду» [9, с. 70–71]. И далее, развивая свою аргументацию о необходимости идейного единства движения: «Не говоря о том, что это несправедливо, это тактически ошибочно, потому что всякий оппонент будет тыкать эти слова Бицилли в нос не ему, а мне, и мне придется полемизировать с Бицилли, демонстри-

руя таким образом внутренние разногласия в нашей среде» [9, с. 71]. В написанном за два дня до этого письме к Сувчинскому, с которым у него были более доверительные отношения, князь просто «переходил на личности», заявляя, что Бицилли «типичный провинциальный интеллигент из эсеров, совершенно не преодолевший своего интеллигентства (фактически, теоретически-то, может быть, и преодолел)». И далее: «В статье его есть лишние вещи, глупости и бестактности, на которых он принципиально настаивает. По-моему, его участие — какое-то недоразумение. Все отношение к Евразии заключается в том, что в его статье говорится и об Европе, и об Азии» [6, с. 187]. Да и сам Флоровский в письме от 10 марта 1922 г. к тому же Сувчинскому признавался, что «настоячиво требовал от Бицилли исключения двух фраз из его статьи, где христианство исторически приравнивалось к другим религиям» [9, с. 200]. Однако в конечном итоге Флоровский убедил Трубецкого, что сумеет оказать на Бицилли необходимое идейное влияние, все-таки согласившись с князем в необходимости определенного единства во взглядах [9, с. 76–77].

Отправные положения статьи об обусловленности исторических понятий (или точнее — понятий исторического познания) современностью свидетельствовали о приемлемости для Бицилли утверждений евразийцев об устарелости эволюционной теории прогресса и, соответственно, европоцентристского взгляда на всемирную историю. К этому можно добавить четко формулируемое Бицилли утверждение о зависимости видения прошлого (как и всякого предмета исследования) от точки зрения наблюдателя [23, с. 317]. Оно вполне вписывалось в евразийский дискурс, как он был обозначен в книге Трубецкого «Европа и человечество». Неудивительно, что ее автор вскоре предложил читателям под криптонимом И.Р. брошюру «Наследие Чингисхана» с красноречивым подзаголовком «Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока», которую Бицилли оценил довольно критически не из-за общего подхода, а из-за многочисленных неточностей. Существенным отличием его взглядов от Трубецкого здесь являлось то, что он, впрочем, как и Савицкий [9, с. 70], не отрицал позитивного влияния европейской цивилизации на русскую культуру, считал Русь (как и Византию) — востоком Европы, а вместо термина «Евразия» систематически употреблял понятие «Старый Свет», так как считал необходимым синтез культур Востока и Запада в рамках всего континента, а не только на территории «Евразии». Тем самым взгляд Бицилли был шире, чем у евразийцев.

Другим важным дискурсивным приемом представления истории в статье Бицилли являлось признание нескольких культурных центров, взаимодействие которых с периферией обеспечивало всемирный характер исторического процесса. Сама идея дуализма «центра» и «периферии» вполне соответствовала дуализму «эгоцентризма» и «экцентризма» в рассуждениях Трубецкого (ср.: [20, р. 361]), хотя и здесь уже проявились существенные различия. Зачастую Бицилли указывал на необходимость снятия противоположностей путем выявления общего в развитии кажущихся дуальных оппозиций, к тому же число культурных центров в дохристианской древности, ставшей отправной точкой всеобщей истории хотя бы «Старого Света», было для него значительно большим. Согласуя свои идеи с евразийскими установками (в данном случае с положениями статьи «Континент-Океан» Савицкого), Бицилли указывал на окраинно-приморский характер этих культурных центров — Европы, Индостана, Ирана, Китая, что вело к признанию особой роли Средней Азии. Являясь «политической величиной», она становилась «фактором их распространения и внешним условием для выработки культурного синкретизма» (разрядка в тексте заменена курсивом. — А. А.) [23, с. 332]. Эта идея была подхвачена Савицким и развита им относительно экономического значе-

ния освоения степных просторов Евразии в его статье «Степь и оседлость», вошедшей в тот же сборник «На путях». Если до этого главным связующим элементом европейской и азиатской частей России-Евразии для него была черноземная полоса, тянущаяся за Урал, то теперь им становилась степь, которая открывала путь для формирования представления о Евразии не только как о географическом единстве, но и как об особом «культурном мире», создаваемом при активном участии кочевников. Позже эта идея была трансформирована им в понятие «месторазвитие» [3, с. 169–173] и получила дальнейшее развитие в «евразийских историях» Вернадского [1, с. 171–175, 198–226; 17; 18].

Правда, чтобы включить в евразийскую концепцию весьма сомнительную характеристику психологического склада туранского населения Средней Азии, данную Бицилли, лидеру евразийцев пришлось прикладывать значительные усилия. Уже в этом же сборнике «На путях» Трубецкой опубликовал написанную им ранее статью «Религии Индии и христианство», которая явно расходилась с предложением Бицилли искать сходства «глубокой религиозности русского народа», «его склонности к мистицизму и религиозной экзальтации», «иррационализма» не у туранских народов на среднеазиатском Востоке, а в Иране или Индии. Эту «противоположность содержания» их статей сразу же уловил Савицкий, предложивший не помещать их рядом в сборнике, чтобы не создавать диссонанса [28, с. 265]. Чуть позже князь написал специальную статью «О туранском элементе в русской культуре», которая должна была приспособить оценки Бицилли к евразийским построениям. Причем эта статья была опубликована дважды — сначала в четвертом выпуске «Евразийского временника» (1925), а затем в сборнике «К проблеме русского самосознания» (1927). Однако эти усилия не могли изменить существенного расхождения в интерпретации данной проблемы. Если для евразийцев власть большевиков была неприемлема потому, что они насильственно навязывали народу чуждую западноевропейскую идеологию — марксизм, а Россия-Евразия выступала оплотом борьбы азиатских народов против империализма Европы, то Бицилли, в молодости сочувствовавший социалистическим идеям, отмечал точность понятия *Socialismo Asiatico*, психологически соответствующего атакистическим влияниям туранского элемента в русской культуре, а Россия виделась ему как творческая сила, которая способна синтезировать начала западной и восточной культур и «понести высшую культуру в зауральские пространства, но сама для себя, от соприкосновения с нейтральной, бессодержательной туранской стихией, она ничего не получит» [23, с. 337]. Эта направленная против «этнографизма» Трубецкого инвектива сопровождалась в статье критикой взглядов Флоровского (Бицилли, как и в рецензии на «Исход к Востоку», вновь подчеркивал, что «турко-монголы» вовсе не «молодой» народ). Наконец, на самое значимое различие указывало утверждение Бицилли, что культура творима отдельными индивидами. Причем в статье это положение распространялось на самые основы культуры — религиозные системы Запада и Востока, создателей которых поименно отмечал историк.

Однако само признание религиозных основ культуры было общим для евразийцев и Бицилли. Неудивительно поэтому, что его кандидатура оказалась приемлемой для участия в сборнике «Россия и латинство», который должен был иметь ярко выраженную антикатолическую направленность, возникшую в ответ на стремление некоторых представителей Ватикана пойти на контакт с представителями советской России в Генуе и на отдельные факты обращения русских православных в католичество на территориях, отошедших к Польше по Рижскому мирному договору. К тому же после долгих дебатов было решено выпустить этот сборник без «евразийской марки», что позволяло включить в него и статью строптивого Бицилли. Думается, что он достаточно точно

следовал желаемой направленности сборника. По крайней мере, у Трубецкого больше сомнений вызывала статья А. В. Карташева о принципах и условиях соединения церквей [6, с. 206]), а Савицкий назвал статью Бицилли «очень интересной» [28, с. 281].

Анализируя содержание догмата о непогрешимости («незаблуждаемости») римского папы, Бицилли охарактеризовал его принятие Ватиканским собором, как отказ от принципа соборности Церкви (основополагающего для Православия), притязание на иерократию и покушение на гражданское общество. Иерократия в изображении историка являлась логическим продолжением, но в то же время историческим вырождением принципа теократии, характерного для Церкви. Это не означало, что Бицилли отрицал положительное значение католичества, как это делали евразийцы. Главное расхождение с ними заключалось не в этом, а в теоретико-методологических принципах изучения прошлого. Указывая на отсутствие объективных исторических предпосылок превращения Римской церкви во вселенскую, историк отмечал: «История католичества тем, между прочим, поучительна, что она служит убедительнейшим доказательством в пользу воззрения, с точки зрения которого первопричиной исторического развития являются *идеи*» [24, с. 62] (здесь и далее разрядка в оригинале заменена курсивом — А. А.). Изучение развития «католической идеи» предполагало психологическое истолкование ее восприятия верующими, т. е. основу исторического познания должно было составить понимание (*verstehn*), при котором католичество «может рассматриваться как выражение романской культуры, романского творческого гения» [24, с. 64]. Раскрытие идейных и психологических основ (идеи «греха», «преступления» и Христа, как «грозного Судии») и их исторической эволюции (превращение Церкви в государство и возможность в этом плане христианского социализма) привело Бицилли к выводу, что со времен Тридентского собора окончательно утверждается представление о Церкви не как о духовном единстве, а как о юридическом институте: «Центральная идея, владеющая умами, есть римская идея *внешнего порядка*, “*ordo*”, идея прочности церковного устройства» [24, с. 67]. Главным виновником такого превращения Бицилли объявлял св. Игнатия Лойолу, ставшего «типичным воплощением *католического духа*» [24, с. 71]. Его блестящий идейно-политический портрет позволял историку убедить читателя в том, что со времен деятельности Лойолы католицизм теряет связь с жизнью и утрачивает свой творческий потенциал. Выявленные Бицилли черты католицизма, вписанные в евразийскую концепцию, приобретали ярко выраженный негативный характер, но, как выяснилось позже, он не мог согласиться с утверждением, что католичество — ересь, а Римская церковь лишилась Божественной благодати после Тридентского собора. Так что надежды Флоровского на то, что он напишет в евразийском духе статьи об этом [9, с. 102], были необоснованными.

В конечном итоге, результатом участия в сборнике «Россия и латинство» оказались недовольны ни Бицилли, ни идеолог евразийцев Трубецкой. 8 ноября 1923 г. в письме к сестре Флоровского Бицилли делился своими мыслями о сборнике: «Получил сборник “Россия и Латинство”. Статьи, в общем, хороши, — но способные убедить только убежденных. Если бы меня потянуло в католическую исповедальню, такая книжка меня бы не остановила ни на минуту. Да, думается, и никакая другая. Ведь, к тому же, и тянет-то как раз то самое, что авторы (от них же первый есмь аз) «бичуют»: «юридизм», т. е. оформленность, определенность, порядок, ясность, освобождение от «*das Ich*» (фрейдистское понятие «Эго». — А. А.), от ответственности; в католицизме спасаются т[ак] сказ[ать] духовные “старые холостяки”, как в пансионе с полным содержанием, где не нужно заботиться о собственном хозяйстве» [5, с. 134]. А в конце года уже Трубецкой в письме к своему наиболее доверенному корреспонденту Сувчинскому

замечал: «Мои впечатления от “России и латинства” несколько двоятся. Откровенно говоря, нельзя считать сборник удачным. Статья Карташева положительно слаба, статья Бицилли — тоже, но главное, это совсем не то, что требовалось (вообще, по-моему, Бицилли — не приобретение)» [6, с. 250–251].

Эти оценки *post eventum* проливают некоторый свет на причины изменения взаимоотношений Бицилли с евразийцами. Дело в том, что параллельно с подготовкой издания «Россия и латинство» у Флоровского родилась идея о периодическом евразийском издании, которое должно было иметь пропагандистско-публицистический характер. В число авторов предполагалось привлечь и «сочувствующих» евразийцам, среди которых упоминался и Бицилли. При этом Флоровский предполагал придать этому изданию богословский и церковно-исторический характер, чтобы противостоять наметившимся в определенной среде эмигрантской интеллигенции экуменическим настроениям. Однако такая направленность предполагаемого издания не привлекала Бицилли [5, с. 113–114].

Таким образом, с одной стороны, нежелание Бицилли подстраиваться под публицистический стиль евразийцев, как представляется, стало причиной недовольства Трубецкого, который не высказал в отношении содержания его статьи в сборнике «Россия и латинство» никаких конкретных претензий. С другой — понимание необоснованности стремления и возможности Флоровского и К^о противостоять мнимому напору католицизма обусловило отказ Бицилли от приглашения участвовать в евразийских изданиях. К тому же сам Флоровский вскоре разошелся с евразийцами после громкого скандала, связанного с братством Святой Софии [8, с. 540]. Так что, когда Сувчинский, намечая весной 1924 г. авторов четвертого выпуска «Евразийского временника», включил в их число Бицилли, Трубецкой склонялся к его исключению [6, с. 268], а настаивать на его привлечении было уже некому [28, с. 370].

Рецензия Бицилли «Народное и человеческое» в «Современных записках» обычно оценивается как первый шаг к его отчетливому размежеванию с евразийцами [2, с. 140–142]. Во-первых, помещение ее в этом журнале свидетельствовало, что у Бицилли появилась новая, помимо евразийских изданий, возможность знакомить читателей со своими взглядами. Во-вторых, участие в нем налагало на автора определенные обязанности следовать «линии» журнала, заявившего на своих страницах об отрицательном отношении к евразийству.

Как верно подметила И. Коновалова, рецензию Бицилли нельзя назвать резко критической [19, с. 246]. Правда, далее этого она не пошла, хотя возникает вопрос: почему? Ответ заключается в отношении Бицилли к значению и, следовательно, характеру критики. Уже в первой рецензии на евразийский сборник «Исход к Востоку» он отмечал, как негативную черту отечественной критики, перенесенную интеллигенцией в эмиграцию, «сектантскую подозрительность», ведущую к приписыванию критикуемому автору несвойственных ему представлений и идей. В рецензии на 4-й выпуск «Евразийского временника», изданный в 1925 г., эта мысль была развита. Можно сказать, что в ней он стремился разобраться во взглядах евразийцев, а не в их скрытых намерениях. Это вполне соответствовало методологическим положениям, которые он достаточно полно обосновал в своей книге «Очерки теории исторической науки», вышедшей в этом же 1925 г. По сути, рецензия была практической реализацией сформулированных в ней основных принципов «понимания», т. е. ее можно охарактеризовать как «сочувственное понимание». Не случайно в отличие от обычных рецензий она была озаглавлена и имела многозначительный подзаголовок «По поводу...».

Бицилли начинал характеристику евразийства с позитивной оценки близкой ему идеи о революции не только как о свершившемся факте (тем самым подчеркивался ее катастрофический характер как события, открывающего новую эпоху), но и как о процессе, имеющем творческий характер создания новой культуры. Этим определялась задача, которую брались решить евразийцы — осмысление этого процесса, что вполне соответствовало гносеологической концепции понимания Бицилли, так как оно направлено на «улавливание» смысла. Однако решение этой задачи евразийцами, как показал рецензент, было неудовлетворительно. Бицилли реконструировал евразийскую концепцию на основе методологических рассуждений в понятиях, свойственных евразийцам, что позволило ему прояснить внутреннюю, логическую противоречивость их построений. Характерно, что он начал свой разбор со статьи Трубецкого, помещенной последней в сборнике, так как ему было важно показать, что предпринятая князем реинтерпретация выдвинутого Бицилли положения о значении туранского элемента в русской культуре, несмотря на ее внешнюю убедительность, внутренне противоречива. Он продемонстрировал читателям, что автор книги «Европа и человечество», провозгласивший в ней равенство культур на основе принципа релятивизма, теперь настаивал на абсолютизации «единичного в качестве всеобщего», в результате чего «одна и та же культура выходит у него вместе и относительно и абсолютно ценной и истинной» [25, с. 486].

Возвращаясь к уже отмечавшемуся им позитивному стремлению евразийцев выявить специфику русской культуры, что соответствовало разделяемому Бицилли принципу индивидуализации культурных явлений, он вновь указывал на неудачу ее решения и раскрывал причину этого в их методологическом подходе. Тем самым рецензент в отличие от своего отклика на «Исход к Востоку» смещал акцент своей критики с содержания понятия Евразия (хотя по-прежнему настаивал на значимости европейской составляющей в нем) на методологию изучения ее особого культурного мира, которая представлялась ему совершенно неудовлетворительной. Наиболее отчетливо нарушение принципов типологии, нацеленной на выявление своеобразия (или «индивидуальностей», по важному для Бицилли в методологическом плане выражению, указывающему на неокантианские корни его подхода к исследованию) культурных типов, проявилось в статье Л. П. Карсавина, с которым у него были давние методологические разногласия [4, с. 59–62]. Суммировав в четырех пунктах методологические ошибки евразийцев, Бицилли раскрыл их на примере анализа отдельных статей сборника.

Главные критические стрелы в рецензии были пущены Бицилли в Карсавина. Однако основное обвинение в его адрес — в «бездушии» — не следует понимать буквально, как исключительно личностную характеристику. Об этом свидетельствует признание, что его едва ли можно упрекнуть в «“духе злобы”, по-своему обостряющей зрение» [25, с. 489]. Указывая на самоуверенность, убежденность в собственной непогрешимости Карсавина, Бицилли тем самым отмечал личные качества исследователя, которые мешали ему понимать католиков. Характеризуя свое собственное понимание всех христианских конфессий как «провинциальных» по отношению к абсолютному Граду Божию, Бицилли тем самым подчеркивал методологическую ошибку Карсавина, противопоставляя последнему отошедшего от евразийства Карташева, который в статье «Смысл старообрядчества», как казалось рецензенту, уловил специфику переживания христианства русским народом. В результате Бицилли формулировал принципы изучения истории религиозной жизни, которые, с его точки зрения, позволили бы Карсавину избежать ошибочных выводов «относительно “недостаточности веры” вымышленного им “католика вообще”» [25, с. 490].

Таким образом, в статье-рецензии «Народное и человеческое» Бицилли, с одной стороны, смещал акцент с рассмотрения содержания положений евразийцев на мето-

дологические подходы к изучению культуры (хотя, по привычке, и называл их «фило-софией истории»), что можно оценить как влияние «Очерков теории исторической науки», сформулированные в которых принципы применялись теперь им на практике. В результате он не обмолвился ни одним словом о первой попытке Савицкого сформулировать программу евразийства в одноименной статье, открывавшей сборник. С другой стороны, его больше занимала общая переоценка смысла евразийства. Если в русской и сербской рецензиях на «Исход к Востоку» он подчеркивал, что евразийцы не реставраторы и их взгляды шире славянофильства (в этом можно было увидеть заочную полемику с А. А. Кизеветтером или с М. А. Ландау), то теперь он доказывал, что евразийцы возвращались к идеологии раннего славянофильства (шире — романтизма), с чем для Бицилли связывалось их «реставраторство» (пока в области философии истории). К этому добавлялась психологическая характеристика протагонистов евразийства — «романтическое прекрасодушие». Тем самым подчеркивалась их неспособность к творческому восприятию и развитию культурного наследия, утрата тяги к творчеству, основой которого является трагическое мировосприятие. Помимо этого рецензент доказывал, что следование «философско-оценивающему подходу» (намек на позитивизм евразийцев) искажает результаты применения «объективно-исследовательского подхода» (намек на собственное неокантианство), что позволяло Бицилли соглашаться из «чисто исторических соображений» с «реабилитацией Чингисхана и татарщины», но резко протестовать против превращения религии из сущностной основы культуры в один из ее факторов, что логически вытекало из абсолютизации евразийцами «относительного» или «исторического» (т. е. из отождествления православия с сутью христианства). Правда, намеченный в последнем предложении рецензии способ возрождения силы творчества, определяемый как «безотчетное, “до-славянофильское”, “до-критическое” обращение к “материнскому лону”» [25, с. 494], не мог не смутить читателя своей невнятностью.

Подводя итог первому периоду взаимоотношений Бицилли с евразийцами, можно отметить следующее. Участие Бицилли в евразийских изданиях было обусловлено его знакомством с Флоровским, с которым он разделял представление об индивидуальном, личном творчестве как главном двигателе развития культуры. Именно этим для них определялось видение изменений в культуре как непредопределенного процесса, зависевшего не только от условий творчества, но и от свободной воли творца. Следует отметить, что Бицилли улавливал разницу между контекстом открытия и контекстом обоснования в культуре. Отсюда вытекала его высокая оценка истинности «прозрения» и «интуиций» в ранних работах евразийцев, но здесь же коренились его критика и отход от них. В этом он оказался опять же близок с Флоровским, разошедшимся со своими бывшими не столько единомышленниками, сколько близкими по «катастрофическому мироощущению» друзьями, в работах которых была «правда вопросов», но не оказалось «правды ответов».

Другой общей особенностью восприятия культуры, свойственной, впрочем, всем евразийцам, было признание религии в качестве ее истока. Однако и здесь уже намечались различия, проявившиеся в дальнейшем. Если Бицилли подходил к этому вопросу с исторической точки зрения, то Флоровский, как и евразийцы, — с религиозной. Поэтому для Бицилли православие представляло собой исторически сложившуюся и развивающуюся ветвь христианства и (впрочем, как и «историческое» католичество) не могло претендовать на абсолютную истинность, что проповедовал Флоровский

(первоначально вместе с евразийцами). Для Бицилли в христианстве важным было зарождающееся чувство личности, что в перспективе создавало возможность индивидуального творчества. Для Флоровского — наследие святых отцов, которое требовало богословской интерпретации в соответствии с потребностями времени, что Бицилли мог бы оценить как творчество в святоотеческом стиле, т. е. обусловленное традицией и преобразованное индивидуальностью интерпретатора. Для Трубецкого — бытовое исповедничество, т. е. ритуальная сторона православия, игнорирующая индивидуальные проявления и требующая подчинения норме, не оставляющей места для творчества, создающего новое. К тому же Бицилли признавал значение гуманизма для развития культуры, что выразилось в пристальном внимании к Возрождению, как творческому переосмыслению его античных оснований. Флоровский после неудачной попытки увлечь своих товарищей-евразийцев к истинному христианскому Востоку двинулся туда в одиночку, провозгласив необходимость «неопатристического синтеза». Его бывшие соратники предпочли остаться на позициях традиционного «бытового исповедничества». Причем в отличие от Бицилли, Трубецкому утверждение в эпоху Возрождения идей гуманизма виделось скорее в негативной перспективе как становление эгоцентризма романо-германской культуры.

Рассмотрение обоснования «истинных прозрений» евразийцев привело Бицилли к мысли о принципе когерентности истинных высказываний, т. е. их логической непротиворечивости, для утверждения истинности всей их совокупности. В результате он пришел к выводу, что невозможно опровергать отдельные высказывания/утверждения евразийцев, а следует опровергать всю систему их взглядов. Тем самым он наметил путь от верификаций евразийской концепции к ее фальсификации, понимаемой не в обыденном наивном смысле, как подлог, а в философском. В таком случае важным становилось определение границ истинности совокупности высказываний/утверждений и того, что обуславливает эти границы.

Некоторые исследователи считают, что для Бицилли таким ограничителем стали политические взгляды или, точнее, политическая программа евразийцев. Но Бицилли в первой половине 1920-х гг. не писал о политической программе евразийцев, которая лишь была намечена в четвертом выпуске их «Утверждений» (1925), а опубликована была в виде отдельной брошюры годом позже. Поэтому причиной для его расхождения с евразийцами следует признать различия в понимании предмета и методологии изучения культуры. Причем здесь его очевидными оппонентами стали Трубецкой и примкнувший к евразийцам Карсавин. Вследствие специфики формирования исследовательских интересов как этнографа, фольклориста и лингвиста Трубецкого интересовала в первую очередь народная культура, или культура «низов», которой должна соответствовать культура «верхов». Обосновываемый им метод исследования справедливо характеризуют как системно-структурный, который оказывался более подходящим для рассмотрения разложения/развала Российской империи после петровских преобразований, внесших чуждые элементы в целостную систему, но никак не для обоснования перспектив ее преобразования. Отрыв культуры «верхов» от народных истоков и заимствование чужеродных элементов культуры приводил, по мнению Трубецкого, к космополитизму и утверждению, в конечном итоге, цивилизации, лишенной духовности, т. е. к «одичанию». Бицилли, исходивший из индивидуального творчества в культуре, представлял процесс утверждения цивилизации как результат широкого восприятия достижений культуры, что лишало понятие «цивилизация» негативной коннотации и делало ее необходимым условием дальнейшего культурного развития.

Концепт «симфонической личности», привнесенный в евразийство Карсавиным [26], с трудом вписывался в сформулированные к моменту его прихода в движение

взгляды его «отцов-основателей», что подметил Бицилли, даже не зная всей сложности взаимоотношений между ними. К тому же типологизирующий метод Карсавина, позволяющий сконструировать «среднего человека» той или иной культурной эпохи, не давал возможности индивидуализировать изучение культуры, так как лишал ее конкретных творцов или носителей, превращая их в создаваемые исследователем абстракции, которые можно было только логически объяснять, но не понимать.

Список литературы

Исследования

- 1 Антощенко А. В. «Евразия» или «Святая Русь» (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск: Карельский научный центр Российской Академии Наук, 2003. 392 с.
- 2 Бирман М. А. П. М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.
- 3 Быстряков В. Ю. В поисках Евразии. Общественно-политическая и научная деятельность П.Н. Савицкого в годы эмиграции (1920–1938 гг.). Самара: Самарское книжное изд-во, 2007. 280 с.
- 4 Васильева М. А. Средневековая Италия и спор о «среднем человеке»: полемика П. М. Бицилли с Л. П. Карсавиным // Россия — Запад — Восток. Литературные и культурные связи. 2014. № 2. С. 50–64.
- 5 Галчева Т. Н., Голубович И. В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независимым обстоятельствам”». П. М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Солнце, 2015. 320 с.
- 6 Глебов С. Евразийство между империей и модерном. История в документах. М.: Новое изд-во, 2010. 632 с.
- 7 Додонов Р. А. Критика П. М. Бицилли философии истории евразийства // Гуманітарний вістник ЗДІФ. 2013. № 52. С. 218–226.
- 8 Ермишин О. Т. Письма Г. В. Флоровского П. П. Сувчинскому (1922–1923) // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2011. № 2. С. 539–574.
- 9 Записки русской академической группы в США. Нью-Йорк: Association of Russian-American scholars in the U.S.A., 2011–2012. Т. 37. 550 с.
- 10 Каганович Б. С. К теме: П. М. Бицилли и евразийцы // Диаспора. Новые материалы. СПб.: Феникс, 2001. Вып. 2. С. 291–299.
- 11 Коновалов И. Н. «П. М. Бицилли и евразийство»: концептуальные подходы к решению проблемы в современной историографии // Curriculum Vitae. Сб. научн. тр. Одесса: Астропринт, 2011. Вып. 2. С. 34–37.
- 12 Найдорф М. И. Наблюдения над одной статьей П. М. Бицилли // Вопросы культурологии. 2010. № 11. С. 68–71.
- 13 Омельченко Н. А. «Исход к Востоку»: евразийство и его критики // Евразийская идея и современность. М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2002. С. 10–29.
- 14 Попова Т. Н. Петр Михайлович Бицилли: портрет в манере «сфумато». Одесса: Бондаренко М. А., 2021. 560 с.
- 15 Соболев А. В. О русской философии. СПб.: Мирь, 2008. 495 с.
- 16 Григорова Д. Пётр Бицилли и евразийство // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Одеса; Велико Търново: [б. и.] 2009. Т. 10. С. 303–308.

- 17 *Halperin Ch. J.* George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols, and Russia // *Slavic Review*. 1983. Vol. 41. P. 477–483.
- 18 *Halperin Ch. J.* Russia and the Steppe: Gerge Vernadsky and Eurasianism // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1985. Bd. 36. S. 55–194.
- 19 *Коновалова І.* Евразійство у творчій спадщині П.М. Біцилли // *Наукові записки Одеського національного університету імені Мечнікова. Серія «Філософія»*. 2012. Вип. 10. С. 339–350.
- 20 *Liberman A. N. S.* Trubetzkoj and His Works on History and Politics // *Trubetzkoj N. S. The Legacy of Genghis Khan and Other Essays on Russia's Identity*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1991. P. 293–375.

Источники

- 21 *Бицилли П. М.* [Рец.] Исход к востоку. Утверждение евразийцев. София 1921 г. // *Русская мысль*. 1922. Кн. 1–2. С. 380–382.
- 22 *Бицилли П. М.* Гибель Запада // *Русская мысль*. 1921. Кн. 8–9. С. 308–311.
- 23 *Бицилли П. М.* «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // *На путях. Утверждение евразийцев*. М.; Берлин: Геликон, 1922. Кн. 2. С. 317–340.
- 24 *Бицилли П. М.* Католичество и Римская Церковь // *Россия и латинство*. Берлин: Геликон, 1923. С. 40–79.
- 25 *Бицилли П. М.* Народное и человеческое // *Современные записки*. 1925. Кн. 25. С. 484–494.
- 26 *Карсавин Л. П.* Церковь, личность и государство. Париж: Евразийское книжное издательство. 30 с.
- 27 *Савицкий П. Н.* Евразийство // *Евразийский временник*. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925. Кн. 4. С. 5–23.
- 28 *Савицкий П. Н.* Научные задачи евразийства. Статьи и письма. М.: Викмо-М, 2018. 680 с.
- 29 *Трубецкой Н. С.* Европа и человечество. София: Российско-болгарское книжное издательство, 1920. 88 с.
- 30 *Флоровский Г. В.* Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998. 432 с.
- 31 *Бицилли П.* «Евразія». Нова філософія руске култура // *Српски књижевни гласник*. 1923. № 7. С. 523–528. № 8. С. 587–592.

***

© 2023. Aleksandr V. Antoshchenko
Petrozavodsk, Russia

P. M. BITSILLI AND EURASIANISTS: DIFFERENT VISIONS OF CULTURE

Abstract: The author examines the relationship between P. M. Bitsilli and the leading representatives of the emerging Eurasianism in the first half of the 1920s, when their sense of the catastrophic changes caused by the First World War and the revolution in Russia morphed into integral worldviews. The methodological basis of the study is a communicative approach to their intellectual contacts, which generates the meanings of their perception of cultural changes in the past and present. At the same time, the paper notes the difference in the understanding of these meanings by each of the participants in communication, depending on his intellectual position or the so-called “point of

view”. The sources for the research were not only their published works, but also the epistolary heritage of the studied intellectuals. The participation of P. M. Bitsilli in the early Eurasian compendia became possible thanks to G. V. Florovsky, with whom he shared a common idea of the free creativity of the individual as the basis for changing culture, which made the historical process unpredictable. However, the leader of the Eurasianists N. S. Trubetskoy believed that the activities of the cultural “upper” strata of society should be rooted in the culture of the “lower” classes, which deprived it of a creative character. Thus, the individualization of the achievements of culture and the understanding of their creators, on which P. M. Bitsilli insisted, came into conflict with the system-structural consideration of culture by N. S. Trubetskoy. Disagreements intensified even more when the Eurasianists had been joined by L. P. Karsavin, who considered it possible to construct an “average representative” of the cultural era. P. M. Bitsilli could not agree with such an approach, since it made possible only the explanation of the external manifestations of culture, but did not allow understanding the creators of cultural values. As a result, it was the difference in the vision of the subject and methods of cultural research that led P. M. Bitsilli to diverge from the Eurasianists, but not their political contradictions, as some researchers believe.

Keywords: P. M. Bitsilli, L. P. Karsavin, P. N. Savitsky, N. S. Trubetskoy, G. V. Florovsky, Eurasianism, Culture, Civilization, Understanding in Historical Knowledge.

Information about the author: Aleksandr V. Antoshchenko — Professor, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University, Lenina St. 33, 185910 Petrozavodsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2366-3750>

E-mail: antoshchenko@yandex.ru

Received: January 25, 2022

Approved after reviewing: August 22, 2023

Date of publication: December 25, 2023

For citation: Antoshchenko, A. V. “P. M. Bitsilli and Eurasianists: Different Visions of Culture.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 70, 2023, pp. 70–85. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-70-70-85>

References

- 1 Antoshchenko, A. V. “Evraziia” ili “Sviataia Rus'” (*Rossiiskie emigranty v poiskakh samosoznaniia na putiakh istorii*) [“Eurasia” or “Holy Rus'” (*Russian Emigrants in Search of Identity*)]. Petrozavodsk, Karelian Research Center RAN Publ., 2003. 392 p. (In Russ.)
- 2 Birman, M. A. *P. M. Bitsilli (1879–1953). Zhizn' i tvorchestvo* [P. M. Bitsilli (1879–1953). *Life and Creative Work*]. Moscow, Vodolei Publ., 2018. 444 p. (In Russ.)
- 3 Bystriukov, V. Iu. *V poiskakh Evrazii. Obshchestvenno-politicheskaia i nauchnaia deiatel'nost' P.N. Savitskogo v gody emigratsii (1920–1938 gg.)* [In Search of Eurasia. *Socio-political and Scientific Activities of P.N. Savitsky During the Years of Emigration (1920–1938)*]. Samara, Samarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2007. 280 p. (In Russ.)
- 4 Vasil'eva, M. A. “Srednevekovaia Italiia i spor o ‘srednem cheloveke’: polemika P. M. Bitsilli s L. P. Karsavinym” [“Medieval Italy and the Controversy about ‘the Average Person’: the Controversy between P.M. Bitsilli and L. P. Karsavin”]. *Rossia — Zapad — Vostok. Literaturnye i kul'turnye svyazi*, no. 2, 2014, pp. 50–64. (In Russ.)
- 5 Galcheva, T. N., Golubovich, I. V. “Ponemnogu prisposobliaius' k ‘nezavisimym obstoiatel'stvam’.” *P.M. Bitsilli i sem'ia Florovskikh v pervye gody emigratsii* [“Little

- by *Little I am Adapting to 'Independent Circumstances'.*” P.M. Bitsilli and Florovsky’s *Family During the First Years After the Emigration*]. Sofia, Solntse Publ., 2015. 320 p. (In Russ.)
- 6 Glebov, S. *Evraziistvo mezhdru imperiei i modernom. Istoriia v dokumentakh [The Eurasianism between Empire and Modernity. History in Documents]*, Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2010. 632 p. (In Russ.)
- 7 Dodonov, R. A. “Kritika P. M. Bitsilli filosofii istorii evraziistva” [“P. M. Bitsilli’s Criticism of Philosophy of the History of Eurasianism”]. *Gumanitarnyi vistnik ZDIF*, no. 52, 2013, pp. 218–226. (In Russ.)
- 8 Ermishin, O. T. “Pis'ma G. V. Florovskogo P. P. Suvchinskomu (1922–1923)” [“G.V. Florovsky’s Letters to P. P. Suvchinskii”]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna*, no. 2, 2011, pp. 539–574. (In Russ.)
- 9 *Zapiski russkoi akademicheskoi gruppy v SShA [Notes of the Russian academical group]*, vol. 37. New York, Association of Russian-American Scholars in the U.S.A. Publ., 2011–2012. 550 p. (In Russ.)
- 10 Kaganovich, B. S. “K teme: P. M. Bitsilli i evraziitsy” [“To the Topic: P. M. Bitsilli and the Eurasianists”]. *Diaspora. Novye materialy [Diaspora. New Documents]*, issue 2. St. Petersburg, Feniks Publ., 2001, pp. 291–299. (In Russ.)
- 11 Konovalov, I. N. ““P. M. Bitsilli i evraziistvo’: kontseptual'nye podkhody k resheniiu problemy v sovremennoi istoriografii” [“P. M. Bitsilli and Eurasianism’: Conceptual Approaches to Solving the Problem in Modern Historiography”]. *Curriculum Vitae. Sbornik nauchnykh trudov [Curriculum Vitae. Collected Science Work]*, issue 2. Odessa, Astroprint Publ., 2011, pp. 34–37. (In Russ.)
- 12 Naidorf, M. I. “Nabliudeniia nad odnoi stat'ei P. M. Bitsilli” [“Observations on a Paper by P. M. Bitsilli”]. *Voprosy kul'turologii*, no. 11, 2010, pp. 68–71. (In Russ.)
- 13 Omel'chenko, N. A. ““Iskhod k Vostoku’: evraziistvo i ego kritiki” [“Exodus to the East’: Eurasianism and its Critics”]. *Evrazijskaja ideja i sovremennost' [Eurasian Idea and Contemporaneity]*. Moscow, Peoples’ Friendship University of Russia, 2002, pp. 10–29. (In Russ.)
- 14 Popova, T. N. *Petr Mihailovich Bitsilli: portret v manere “sfumato” [Petr Mikhailovich Bitsilli: Portrait in “Sfumato” Style]*. Odessa, Bondarenko M. A. Publ., 2021. 560 p. (In Russ.)
- 15 Sobolev, A. V. *O russkoi filosofii [About Russian Philosophy]*. St. Petersburg, Mir Publ., 2008. 495 p. (In Russ.)
- 16 Grigorova, D. “Pjotr Bitsilli i evraziistvo.” *B'lgarite v Severnoto Prichernomorie. Izsledvaniia i materialy*. vol. 10, Odesa, Veliko Tyrnovo, [without a publisher], 2009, pp. 303–308. (In Bulgarian)
- 17 Halperin, Charles J. “George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols, and Russia.” *Slavic Review*, vol. 41, 1983, pp. 477–483. (In English)
- 18 Halperin, Charles J. “Russia and the Steppe: Gerge Vernadsky and Eurasianism.” *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, bd. 36, 1985, pp. 55–194. (In English)
- 19 Konovalova, I. “Evrziistvo u tvorchii spadshchini P. M. Bitsilli.” *Naukovi zapiski Odes'kogo natsional'nogo universitetu imeni Mechnikova, Series Filosofia*, no. 10, 2012, pp. 339–350. (In Ukrainian)
- 20 Liberman, Anatoly. “N. S. Trubetzkoy and His Works on History and Politics. Trubetzkoy N. S.” *The Legacy of Genghis Khan and Other Essays on Russia’s Identity*. Ann Arbor, Michigan Slavic Publ., 1991, pp. 293–375. (In English)